

И тотъ и другой результатъ получается какъ при полномъ отказѣ отъ принципа наибольшаго благопріятствованія, такъ и при внесеніи въ него дѣйствительныхъ (а не только формальныхъ) ограниченій. Но хуже всего, конечно, то, что тотъ, кто самъ устанавливаетъ такія ограниченія, долженъ будетъ терпѣть ихъ въ свою очередь. А мы уже разъ сильно страдали отъ нихъ, когда Германія въ 1892 г. установила на хлѣбъ пошлину въ 5 мар. съ 100 килогр., а затѣмъ по договору съ Австріей и съ другими государствами понизила ее до 3½ мар., но отказалась распространить ее на русскій хлѣбъ, ибо Россія не пользовалась правами наиболѣе благопріятствуемой державы. Въ виду того, что русскій хлѣбъ облагался пошлиной на 7,6 коп. зол. или на 12 коп. кред. съ пуда болѣе, чѣмъ хлѣбъ другихъ странъ, государства, которымъ былъ предоставленъ конвенціонный тарифъ, ушли за короткое время въ значительной мѣрѣ замѣстить Россію на германскомъ рынкѣ даже въ снабженіи рожью, составлявшей до того времени предметъ специально русскаго экспорта. (См. Соболевъ. Исторія русско-германскаго торговаго договора. 1915 г.). Всѣ наши усилія были направлены къ тому, чтобы обезпечить себѣ во что бы то ни стало равныя съ прочими государствами права. Государственный Совѣтъ при заключеніи договора съ Германіей придавалъ особенное значеніе „обезпеченію русскимъ товарамъ равноправности съ товарами другихъ странъ, въ особенности въ виду той роли, которую имѣетъ европейскій рынокъ для нашихъ сельскохозяйственныхъ произведеній“. Ради этого онъ готовъ былъ пойти на значительныя уступки. Равноправіе и было достигнуто по договору 1894 г.

Если исторія чему-нибудь учитъ, то этотъ печальный опытъ долженъ намъ подсказать, что намъ слѣдуетъ строго держаться принципа безусловнаго наибольшаго благопріятствованія, безъ вся-

кихъ ограниченій, ибо только оны гарантируютъ намъ возможность конкурировать съ другими странами на мировомъ рынкѣ.

I. Кулишеръ.

2. Анна Павловна Философова.¹⁾

Она любила людей, и люди ее любили. Такъ, въ двухъ словахъ я опредѣлил бы жизненный путь Анны Павловны. И тому, что люди ее любили, есть прочное свидѣтельство. Два тома сборника „Памяти А. П. Философовой“ останутся въ нашей литературѣ. Они составлены любящей рукой. Прекрасные портреты и рисунки подобраны съ большимъ художественнымъ вкусомъ. Издана книга роскошно. Налетъ трогательной вѣжливости ощущается на всѣхъ страницахъ. Къ памяти Анны Павловны прикасался осторожно, съ пѣтетомъ, дружескія руки.

Весь огромный первый томъ занятъ романомъ А. В. Тырковой: „Анна Павловна Философова и ея время“. У А. В. Тырковой были въ рукахъ интереснѣйшіе не опубликованные матеріалы изъ семейной хроники Дягилевыхъ и Философовыхъ. На обработку матеріала А. В. Тыркова потратила болѣе года и вложила въ это дѣло свой талантъ, свою женскую чуткость къ чужимъ переживаниямъ. Изъ-подъ ея пера вышелъ яркій романъ изъ подлинной жизни, мѣстами прямо увлекательный. Такой трудъ достоинъ уваженія. Я думаю, что уваженіе къ книгѣ и состоитъ въ серьезномъ къ ней отношеніи, не только въ подчеркиваніи ея достоинствъ, но и въ указаніи на ея недостатки.

Главнымъ изъ нихъ и основнымъ мнѣ представляется ошибка перспективъ.

¹⁾ Сборникъ памяти Анны Павловны Философовой. Т. I. А. В. Тыркова. А. П. Философова и ея время. XVI + 478 стр. Т. II. Статьи и матеріалы. 94 + 182 стр. Цѣна за 2 т. 10 р.

Не случайно А. В. Тыркова озаглавила свой труд: „А. П. Философова и ея время“. Почти на послѣднихъ страницахъ книги, говоря о благодарственномъ письмѣ А. П. послѣ ея юбилея, А. В. Тыркова пишетъ: „Въ этомъ письмѣ звучитъ прощальный привѣтъ уходящаго *вождя*“. Съ этимъ согласиться нельзя. Анна Павловна не была „вождемъ“, и время, въ которое она жила, не было „ея временемъ“. Анна Павловна не вела. Она сама шла за временемъ.

Защитница женской эмансипаціи въ 60-хъ годахъ, помѣщица, сочувствующая народничеству въ началѣ 70-хъ, переносящая въ концѣ этой эпохи свои симпатіи и на рѣзкую оппозиционно-политическую борьбу народолюбцевъ, остановившаяся въ горестномъ недоумѣніи передъ событіемъ 1 марта, — вотъ идейная физиономія Анны Павловны въ первую половину ея жизни. Реакція 80-хъ годовъ, несомнѣнно, наложила на А. П. тяжелую печать: обликъ ея посѣрѣлъ. Но „непостоянная чуткость“, какъ прекрасно характеризуетъ Анну Павловну г-жа Тыркова, спасла ее отъ обывательскаго болота. Уйдя въ культурничество, А. П. уберегла свою живую душу. И впоследствии она нашла въ себѣ силы пережить вмѣстѣ съ молодымъ русскимъ обществомъ политическую весну 1904 г. Естественно, что она примкнула къ конституціонно-демократической партіи, воспринявшей политическія традиціи 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ. Конечно, А. П. приняла участіе и въ политическомъ движеніи женщинъ. Если вдуматься въ ея душевный обликъ, не удивишься, что въ послѣдніе годы жизни она сдѣлалась теософкой. Розоватая, очищенная денстическія мечтанія такъ шли къ ея душѣ...

Смѣна всѣхъ этихъ настроеній, мыслей и чувствъ въ душѣ незаурядной женщины представляетъ большой психологическій интересъ. Но я не вижу, гдѣ, когда, на какой изъ этихъ стадій

А. П. Философова была бы вождемъ и кого она вела. Этого не было. А между тѣмъ ошибочный исходный пунктъ заставилъ А. В. Тыркову удѣлать слишкомъ много мѣста несуществовавшему въ дѣйствительности „времени“ А. П. Философовой. Дать въ связи съ біографіей выдающейся русской женщины, но не вождя, характеристику 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ — задача чрезвычайно трудная, едва ли выполнимая. Рискуешь тѣмъ, что очеркъ „эпохи“ останется въ сущности внѣ связи съ біографіей героя или героини.

Лучше было бы заняться просто А. П. Философовой, касаясь времени, въ которое она жила, но не „ея“ времени, лишь въ мѣру дѣйствительной необходимости. Въ концѣ концовъ интересны не мысли А. П. Философовой, а ея образъ, прекрасный образъ. Мысли быстро мѣнялись, противорѣчили одна другой, подчасъ вытѣсняя одна другую съ капризнымъ своеволіемъ. Но сквозь всѣ эти разнообразныя мысли, сидѣвшія то глубоко, то поверхностно, всю жизнь свѣтила одна и та же прекрасная душа. Съ „непостоянной чуткостью“ эта душа подмѣчала все чистое, красивое, высокое у смѣнявшихъ другъ друга поколѣній, умѣла понимать и сочувственно отзываться на молодые ростки жизни. Поэтому-то Анна Павловна до самой могилы чувствовала себя свободно въ кругу молодежи, любила людей и была ими любима. Я лично видѣлъ ее не болѣе двухъ-трехъ разъ, но воспоминаліе объ ея мягкомъ, ласковомъ взглядѣ живо во мнѣ и до сихъ поръ. Не умомъ, а сердцемъ своимъ она понимала людей и за разнообразными ихъ теоріями умѣла видѣть ихъ душу. Въ книгѣ, написанной А. В. Тырковой, наиболѣе интересными являются страницы, талантливо рисующія тотъ опытъ жизни, который далъ Аннѣ Павловнѣ силы беречь свое полное любви къ людямъ сердце.

Пушкинъ въ 30 лѣтъ молилъ свое вдохновеніе:

Не дай остыть душѣ поэта,
 Ожесточиться, очерствѣть
 Въ мертвящемъ упоеньѣ свѣта,
 Среди бездушныхъ гордецовъ...
 Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
 Шальныхъ, балованныхъ дѣтей...
 Среди кокетокъ богомольныхъ...
 Среди холоповъ добровольныхъ...

А Философова почти 60 лѣтъ своей сознательной жизни „купалась“ въ этомъ „мутѣ“, и душа ея не остыла, не ожесточилась, не очерствѣла...

Не сладка и не легка была обстановка ея родительскаго дома Дягилевыхъ. Тамъ царилъ разладъ между практичной матерью-хозяйкой и отцомъ, замаливавшимъ какіе-то свои грѣхи, ставшимъ жертвой монаховъ и проходивцевъ, эксплуатировавшихъ религиозные порывы кающагося грѣшника, утратившаго душевное равновѣсіе. Религиозность отца грозила разореніемъ семьѣ. Дягилеву пришлось рѣшать очень трудную задачу: поддерживать традиционное благочестіе, оградить состояніе семьи отъ жадныхъ рукъ монаховъ, тянувшихъ не столько къ душѣ, сколько къ карману ея мужа.

Анна Павловна, несомнѣнно, тяготилась своей домашней обстановкой... Этимъ, конечно, въ значительной степени и надо объяснить ту легкость, съ которой она вышла замужъ за челоувѣка на 17 лѣтъ ея старше. Бракъ оказался счастливымъ. Подъ конецъ своихъ дней А. П. съ благодарностью и радостью вспоминала о сорока годахъ своей счастливой семейной жизни. Но экспериментъ былъ рискованный...

Обстановка, въ которую попала молодая дѣвушка, почти ребенокъ, была ужасная. Страницы, на которыхъ А. В. Тыркова описываетъ семью Философовыхъ, принадлежать бесспорно къ лучшимъ, самымъ интереснымъ во всей книгѣ. А. В. Тыркова правильно сравниваетъ семью владѣльца Богдановскаго съ Карамазовскою. Необходимо сдѣлать только одну оговорку. Свекоръ Анны

Павловны, Д. Н. Философовъ, былъ богатымъ баринотъ, получившимъ извѣстное европейское образование, тогда какъ Карамазовъ-отецъ ничѣмъ не могъ скрасить ни своей мелкопомѣстности, ни своей некультурности. Въ Д. Н. Философовѣ черты самодура-крѣпостника преобладали надъ карамазовщиной.

Своему взрослому, перешагнувшему за 30 лѣтъ, сыну, занимавшему уже постъ герольдмейстера въ Сенатѣ, старикъ, наприм., писалъ въ 1852 г.: „Насчетъ желѣзной дороги ни теперь, ни обратно и никогда впредь до моего разрѣшенія и не помышляй. И Александру такъ скажи... Имѣйте въ виду, что по сему пункту, паническій ли страхъ на меня дѣйствуетъ или благоразумная осторожность, но опасеніе мое такъ сильно, что я не предлагаю мое мнѣніе совершеннолѣтнимъ сыновьямъ на преніе, но, чтобы совершенно себя успокоить, прибѣгаю къ власти родительской, приказываю, чтобы было исполненіе буквальное. За исключеніемъ именного (то-есть царскаго) повелѣнія, чего, слава Богу, ожидать не могу“.

Надо сказать, что такое преклоненіе передъ царскимъ указомъ длилось у стараго крѣпостника, только пока существовало крѣпостное право, позволявшее Д. Н. Философову окружать себя гаремомъ изъ дѣвицъ въ прозрачныхъ костюмахъ. Немало слезъ изъ-за этого гарема пропла Анна Павловна! Когда же въ 1861 году пало рабство, старый помѣщикъ началъ позволять себѣ очень непочтительные отзывы о Царѣ-Освободителѣ. Ребяческая злоба выразилась въ томъ, что онъ распорядился повѣсить портретъ государя внизъ головой, демонстративно отказываясь класть деньги въ Государственный банкъ, говоря: „Не могу же я отдать деньги...“ (слѣдовало крѣпкое слово).

Гарема, — рассказываетъ А. П. въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, — старикъ не распускалъ. Но эта затѣя кончилась для него скверно. Почувствовавъ себя свободными, дѣвицы,

передъ тѣмъ какъ выйти замужъ, сами стали издѣваться надъ старикомъ: „раскачаютъ на простыняхъ да и бухъ объ полъ“. Д. Н. Философовъ написалъ тогда отчаянное письмо своему сыну, мужу Анны Павловны, чтобы тотъ пріѣхалъ, его спасти. Онъ пріѣхалъ. „Что тутъ было!...“ лаконически-краснорѣчиво записываетъ А. П.

Своего старшаго сына, Владимира, старикъ Философовъ, хотя и не разрѣшалъ ему ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, все же нѣскольکو уважалъ. Съ другимъ сыномъ, Николаемъ, отношенія сложились совсѣмъ чудовищныя. „Безпримѣрно опасное насѣкомое, пресмыкающееся на земномъ шарѣ“, такъ отзывался старикъ о Николаѣ. Николай женился безъ согласія отца. Тогда тотъ предписалъ сыну немедленно покинуть столицу. Это требованіе мало-по-малу перешло у него въ навязчивую идею. „Если ты,—писалъ отецъ сыну,—не исполнишь моей родительской непремѣнной воли, ты погибъ, и я передъ Богомъ, передъ людьми, передъ совѣстью оправданъ за послѣдствія. Мнѣ несравненно легче умереть отъ руки моего созданія, чѣмъ допустить мое созданіе мнѣ не повиноваться. Или повинуйся, бѣги изъ столицы, или не оставь меня на землѣ. Иначе я уже пристулю къ положительному твоему уничтоженію“. „Вызываю тебя на отцеубійство“, пишетъ неоднократно Д. Н. Философовъ своему сыну. Эта нелѣпая, отдающая сумасшедшимъ домомъ, ссора не привела, къ счастью, ни къ отцеубійству, ни къ сыноубійству. Аннѣ Павловнѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ вступленія ея въ Философовскую семью удалось, правда, съ великимъ трудомъ и претерпѣвши немало, вплоть до физическихъ, оскорбленій, совершить чудо: примирить отца съ сыномъ. Но легко себѣ представить, что за жизнь ждала ее въ новой семьѣ, пока мужъ, отчасти подъ ея влияніемъ, не занялъ болѣе независимаго отъ отца положенія, а главное—пока отмѣна крѣпостного права не

подсѣкла подъ самый корень самодурства вскормленнаго рабствомъ барина.

Въ этомъ моментѣ паденія крѣпостного права, мнѣ кажется, и лежитъ психологическій центр тяжести личности Анны Павловны. Это событіе было рѣшающимъ, опредѣляющимъ для нея. Оно освободило не только дѣвицу изъ гарема, отравившихъ ей первыя радости ея семейной жизни. Оно освободило ее самое отъ давившаго кошмара. Освобожденіе крестьянъ Анна Павловна восприняла не какъ политическое только событіе, но и лично, какъ сильнѣйшее душевное переживаніе.

Въ своихъ замѣткахъ она говоритъ: „У моихъ родителей, къ чести ихъ будь сказано, никогда не служили крѣпостные люди, а вся прислуга была наемная, съ жалованьемъ. У нихъ было имѣніе, но они изъ принципа не желали имѣть въ домѣ крѣпостныхъ, вотъ почему я и понятія не имѣла о томъ, что переживали всѣ другія сѣмь. Мой мужъ имѣлъ отвращеніе отъ этого быта. 19 февраля мы съ нимъ встрѣтили зарю для Россіи, она зажгла неугасимымъ пламенемъ наши сердца. Благословенна память того Царя-Освободителя, который далъ жизнь народу и далъ запретъ рождаться такимъ продуктамъ, какъ папенька, и разсѣялъ нравственный мракъ той среды, которая творила тирановъ... Для меня день 19 февраля—день священный, день нравственнаго обновленія, день, который вложилъ въ меня „душу живу“, день, въ который проснулись всѣ лучшіе инстинкты моего существа“.

Намъ, не пережившимъ крѣпостного права, быть можетъ, даже невозможно вполне оцѣнить смыслъ этихъ словъ Анны Павловны. Но ясно, что всѣ ея воззрѣнія, эта причудливая, иногда противорѣчивая, смѣсь любви и преклоненія передъ Царемъ-Освободителемъ и сочувствія къ радикальнымъ стремленіямъ молодежи, приведшимъ къ народовольчеству, родились въ день 19 февраля.

Подъ вліяніемъ М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой Анна Павловна становится одной изъ дѣятельницъ женскаго движенія 60-хъ гг. Говоря объ этомъ періодѣ ея жизни, г-жа Тыркова напрасно старается сгладить довольно остро проявлявшуюся тогда рознь между „аристократками“ и „пигалистками“. Анна Павловна—дворянка. Она—лучшій продуктъ дворянской культуры, въ своемъ нравственномъ ростѣ дошедшей до отрицанія лежавшаго въ ея основѣ крѣпостного права. Этого нельзя упускать изъ виду, говоря объ А. П. Философовой. Работы для заработка, изсушающаго труда ради куса хлѣба она не знала. Нелѣпо было бы упрекать ее за это. Быть можетъ, именно свобода отъ подневольной работы и помогла Аннѣ Павловнѣ въ ея общественномъ дѣлѣ на пользу русскихъ женщинъ. Быть можетъ, свобода и достатокъ и помогли ей сохранить до конца жизни душевную ясность. Такъ или иначе, но странно было бы отрицать, что социальное положеніе Анны Павловны тоже наложило свою печать на ея образъ.

Много неяснаго въ разсказѣ А. В. Тырковой о семейной жизни А. П. Философовой. Въ сущности, въ ея замужествѣ и въ ея семейной жизни есть элементы большого драматическаго переживанія. И то, что эта семейная жизнь протекла и закончилась счастливо, не исключаетъ всетаки драмы, которая въ ней заключалась, но чѣмъ-то, какими-то овойствами дѣйствующихъ лицъ была преодоленна. Я понимаю всю трудность глубокой разработки этой темы, когда говоришь о чловѣкѣ, недавно умершемъ, дѣти котораго еще живы. Но тогда, быть можетъ, было бы лучше совѣтъ не касаться этой стороны жизни Анны Павловны, чѣмъ показывать ее въ какомъ-то полумракѣ.

Въ молодости мужъ Анны Павловны былъ юношей-идеалистомъ въ духѣ Ленсакаго: писать стихи, тайлъ вольнолюбивыя мечты, преклонялся передъ де-

кабристами, по-рыльѣвски негодовалъ противъ нѣмецко-петербургскаго деспотизма. Но, чловѣкъ мягкаго характера, онъ скоро вплотную вошелъ въ колею бюрократическаго либерализма. Милитинская канцелярія, эта мастерская уже исчезнувшаго типа честнаго русскаго либеральнаго бюрократа, въ 70-хъ годахъ отлила изъ В. Д. Философова законченный образъ устоявшагося, опредѣлившагося чиновника. А жена его въ это самое время, какъ и въ позднѣйшіе годы почти до самой смерти, все куда-то стремилась, искала, металась. Положеніе создавалось такое, что въ то время, какъ мужъ стоялъ во главѣ военной юстиціи, каравшей социалистовъ, жена благоговѣла передъ Крапоткинѣмъ, держала у себя склады нелегальныхъ изданій, помогала политическимъ... Тутъ скрывались, несомнѣнно, элементы драмы. Какъ она разрѣшилась, изъ романа, написаннаго А. В. Тырковой, мы не видимъ... Можно ловить намеки, дополнять недосказанное предположеніями... Повторяю, я отлично понимаю всѣ трудности, которыя предстояло преодолѣть биографу. Но въдѣ опубликовала же А. В. Тыркова письмо, въ которомъ жена послѣ 16 лѣтъ супружества пишетъ своему мужу: „Пойми ты, что я тебя люблю, и вдругъ ты меня не одобряешь... Прежде у меня вслѣдствіе этого руки опускались, теперь же твой авторитетъ сильно поколебленъ въ моемъ міросозерцаніи, потому что я ясно вижу, что иду по вѣрному пути. Пойми же, какъ мнѣ хотѣлось наставить тебя на этотъ путь, чтобы идти вмѣстѣ, не оглядываясь. И наоборотъ. Ежели мнѣ это не удастся, ты понимаешь, что мы должны будемъ разойтись во всемъ и не идти вмѣстѣ. Уступить тебѣ я не въ силахъ, меня влечетъ невѣдомая сила, вездѣ я ее вижу“...

Она не смогла „наставить его на этотъ путь“, но они и не „разошлись“, и не уступили другъ другу. Что же было? Мимолетное, несерьезное столк-

повеніе или преодолѣнная драма? Интересная, легко и красиво написанная книга А. В. Тырковой на этотъ вопросъ отвѣта не даетъ...

Я даже не упомянулъ о плодотворной дѣятельности А. П. Философовой въ области средняго и высшаго женскаго образованія, о такихъ ея созданіяхъ, какъ общество дешевыхъ квартиръ или организаціи трудящихся женщинъ, объ ея участіи въ помощи голодающимъ, въ женскихъ сѣздахъ. Замѣтка моя и безъ того разрослась. Обо всемъ этомъ читатели найдутъ много важнаго и поучительнаго и въ работѣ А. В. Тырковой и во второмъ томѣ, въ матеріалахъ, рѣчахъ, статьяхъ и воспоминаніяхъ разныхъ лицъ. Личность А. П. Философовой, этой чуткой, прекрасной русской женщины, возбуждаетъ большой и многосторонній интересъ.

Сборникъ въ ея память не только слѣдовало издать, но его надлежитъ и читать. Онъ того заслуживаетъ и по богатству содержанія, и по изяществу выполненія.

А. С. Изгоевъ.

3. Изъ германскихъ „программъ войны“.

Съ начала войны въ Германіи и Австріи много говорятъ о томъ, что результатомъ борьбы міровыхъ державъ должно быть таможенное или даже политическое объединеніе средне-европейскихъ государствъ. По этому вопросу появилась уже довольно значительная брошюрная и газетная литература. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, социаль-демократъ Леншъ, считаютъ даже возможнымъ ¹⁾, что въ такой союзъ захочетъ вступить послѣ войны и разбитая Германіей Франція. До очень смѣлыхъ

логическихъ выводовъ доведена мысль о федераціи средне-европейскихъ государствъ въ интересахъ германской міровой политики въ брошюрѣ Карла фонъ-Винтерштеттена, вышедшей еще въ концѣ прошлаго года, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала военныхъ дѣйствій, подъ заглавіемъ „Nordkap-Bagdad, политическая программа войны“ ²⁾. Авторъ обратилъ на себя вниманіе напечатанной имъ незадолго до войны брошюрой „Berlin—Bagdad“, въ которой уже развивалъ аналогичные взгляды. Мы излагаемъ эту программу Винтерштеттена въ качествѣ матеріала для характеристики настроенія германскихъ империалистовъ, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было комментаріевъ.

Если выпѣшняя конфигурація державъ, говоритъ фонъ-Винтерштеттенъ, сохранится и послѣ войны, опредѣленно установленный порядокъ можетъ быть результатомъ войны только при побѣдѣ Россіи и Франціи надъ Германіей, но не при побѣдѣ центральныхъ имперій. Въ случаѣ пораженія Германіи и Австріи лучшая граница на западѣ, на которую Германія могла бы рассчитывать, была бы линія Рейна, а на востокѣ и на сѣверѣ она потеряетъ цѣлыя области. Австрія же исчезнетъ, и ея мѣсто займутъ, въ качествѣ аванпостовъ Россіи, Богемія и Сербія, и все, что находится на востокѣ отъ нихъ, будетъ подвластно Россіи. Только альпійскія нѣмецкія земли Австріи, т.-е. приблизительно населеніе въ 5—6 милліоновъ человекъ, были бы присоединены къ Германіи. Для того, чтобы обезпечить себѣ свои завоеванія, Франція вынуждена будетъ остаться въ союзѣ съ Россіей. Такимъ образомъ въ случаѣ пораженія Германіи въ Европѣ создастся очень опредѣленное положеніе: германскій элементъ сдѣлается

²⁾ Nordkap-Bagdad. Das politische Programm des Krieges von Karl von Winterstetten (Dr. Albert Bitter), Frankfurt a. M., 1914.

¹⁾ См. *Русскую Мысль*, августъ: „Социаль-демократъ его величества“, стр. 7.